

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИАЛЬНОГО МИКРОАНАЛИЗА

З.Р. Соловьева

**РЕАБИЛИТАЦИЯ БЕЗДОМНЫХ:
ИССЛЕДОВАНИЕ «НОЧЛЕЖКИ»***

«Многие тысячи привычных бродяг и профессиональных нищих бродят среди трудящегося люда, разжигая социальный антагонизм классов, разнося повсюду нравственную заразу своим тлетворным примером постоянной праздности, нередко выжидая лишь случая, где бы чем-нибудь легко и неправоммерно поживиться, и представляя собой неугасимый очаг преступности». Такую эмоциональную характеристику «привычных бродяг» поместил на своих страницах журнал попечительства о домах трудолюбия «Трудовая помощь» в декабре 1897 г. [1, с. 156].

Наиболее эффективный способ реабилитации бродяг и нищих в конце XIX в. российские благотворители видели в трудовой помощи: честный труд как «единственный залог счастливой и на христианских началах основанной жизни». Под трудовой помощью понималась организация «домов свободного труда» или «домов трудолюбия», в которых призреваемым предоставлялась работа за символическую плату, например, расщипка старых канатов и сушка пеньки, а также дешевое или бесплатное жилье и пища. При доме часто помещалась богадельня для

• «Ночлежка» — С.-Петербургская благотворительная общественная организация помощи бездомным. Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам «Ночлежки» и редакции газеты «На дне» за помощь в проведении исследования.

Соловьева Зоя Ростиславовна — аспирантка Европейского университета в С.-Петербурге, ассоциированный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Адрес: 191002, С.-Петербург, а/я 55. Центр независимых социологических исследований.

Тел./факс: (812) 321-10-66.

E-mail: zoja-s@mail.ru

инвалидов и престарелых, для которых труд, скорее, являлся «придатком» к помощи «ради воспитательных соображений, или ради того, чтобы не предоставлять престарелых призываемых полному безделью и скуке» [2, с. 40).

Люди, нуждающиеся в общественной поддержке, делились в соответствии со своим отношением к труду на *ищущих* труд, *бегущих* от него, *неспособных* к нему и *испорченных* для него. В соответствии с этой классификацией создавались институты, которые должны были работать с различными категориями *празднолюбцев*: «Для первой категории нужны "дома трудолюбия" со всеми теми особенностями своего устройства, которые должны давать возможность <...> концентрировать в них спрос на труд и широко раскрывать двери предложению труда. По отношению ко второй категории — *празднолюбцев, относящихся к труду с отвращением* и составляющих одну из язв городской жизни, называемую нищенством, — общество должно настойчиво и систематически действовать принудительными мерами, не смущаясь той жестокой чувствительностью, которая упорно не желает видеть глубоко растлевающего влияния нищенства и на просящих, и на подающих милостыню <...> Ради общественного порядка и нравственности, ради спасения от дальнейших падений бегущих от труда следует привязать к нему, как к спасительному якорю <...>. Необходимость принудительных работ для профессиональных нищих должна неминуемо вызывать вопрос об устройстве "рабочих домов" рядом с "домами трудолюбия". Для успешного труда нужна бодрая душа и здоровое тело. Где разбита, измучена или извращена первая, нет ни готовности, ни способности к работе; где измождено и заморожено второе — нет сил, нет необходимого напряжения для работы. Поэтому люди, в которых тяжкие условия жизни, злоба одних и равнодушие других, выработали такую душу и такое тело, могут быть признаны *испорченными* для труда» [2, с. 46 — 47].

Показателем эффективности деятельности дома трудолюбия являлось количество «пристроенных на места и должности» трудолюбцев, потому что пребывание в доме рассматривалось как временная вспомогательная мера. Поощрялось активное участие призываемых в организации деятельности дома. Так, например, в Евангелическом доме трудолюбия барона О.О. Буксгевдена в Петербурге, основанном в 1886 г., «почти все низшие служащие были взяты из числа призываемых, что очень удешевляет содержание дома и дает работу лицам, ее ищущим; так, из призываемых — привратник, дворник, ночной сторож, ламповщик, водовоз, развозчик по городу, паспортист, повар, пекарь» [2, с. 9). Все эти лица получали вознаграждение по усмотрению управляющего домом. В конце XIX начале XX в. Россия пережила пик развития благотворительных обществ и учреждений: ночлежных домов, приютов, домов трудолюбия, дешевых чайных и столовых и т.д.

В декрете от 26 апреля 1918 г. новое правительство провозгласило, что на место милостыни и благотворительности должна быть поставлена социалистическая государственная помощь. Деятельность благотворительных обществ была запрещена, а их имущество конфисковано. В Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии, были зафиксированы поло-

жения о борьбе «со всякого рода паразитизмом и тунеядством» [3, с. 61]. В официальном дискурсе категории «социальный паразит» и «социально опасный элемент» смешивались. Бродяги, попрошайки, проститутки, алкоголики, попадая в одну категорию, рассматривались как «имеющие предрасположенность к совершению преступлений». По логике сторонников этой точки зрения, единственной мерой борьбы с «паразитизмом» и «тунеядством» должна была стать изоляция. Уже в начале 1930-х гг. предупредительные меры борьбы с «социальными отклонениями», которые практиковались в середине 1920-х гг., были полностью вытеснены судебными и административными.

После отмены в 1991 г. 209 и 198 статей Уголовного кодекса (ст. 209 — «Систематическое бродяжничество и попрошайничество», ст. 198 — «Нарушение правил прописки») в России официально стала возможна деятельность организаций, защищающих интересы людей, стигматизированных как «бомжи» и «тунеядцы». Целью этих организаций является возвращение бездомных, алкоголиков, наркоманов, проституток в общество, из которого они по разным причинам (судимость, конфликт в семье, безработица и т.д.) оказались исключены.

Данная статья освещает некоторые результаты исследования, проведенного в С.-Петербургской общественной благотворительной организации «Ночлежка» в 1999-2000 гг.

Нельзя утверждать, что «Ночлежка», как и многие современные благотворительные организации, является прямой преемницей дореволюционных благотворительных обществ, так как она возникла и существует в ином политическом и социально-экономическом контексте. Однако опыт дореволюционных благотворительных обществ востребован и используется новыми организациями для легитимации и повышения эффективности своей деятельности. В частности, сотрудники ОБО «Ночлежка» принимали участие в организации выставки, посвященной истории благотворительности в России совместно с Музеем истории города, а также в рамках программы «Возрождение российской благотворительности» организовали сбор пожертвований на создание памятника известной российской благотворительнице Императрице Марии Федоровне. Организационная структура «Ночлежки» также во многом воспроизводит структуру учреждений, оказывавших помощь «бродягам и нищим» в дореволюционной России.

Методология и методика исследования

В рамках исследования бездомность рассматривается, с одной стороны, как своеобразный институциональный статус: институт жилья и прописки исключает бездомных из сферы действия других социальных институтов (социального обеспечения и защиты, трудоустройства, образования и т.д.) и гомогенизирует жизненные траектории людей, по разным причинам оказавшихся без жилья; с другой, — как определенные структурные условия, в которых происходит стигматизация и трансформация идентичности человека.

Существенная часть европейской дискуссии о бездомности сегодня связана с понятием «социальное исключение» [4; 5; 6]. Процесс исключе-

ния/включения (exclusion/inclusion) происходит с бездомными, по меньшей мере, дважды. Во-первых, это процесс исключения из «большого общества» (именно он чаще всего становится предметом исследований бездомности) и процесс возвращения/включения в общество. Во-вторых, это процесс включения в «уличное сообщество», обучение тому, как быть бездомным и как выживать; интеграция в маргинальную культуру, в которой бездомный является «своим», ее неотъемлемой частью, в которой он «нормален». И затем, процесс исключения из «уличного сообщества»,* который так же, как и процесс исключения из «большого общества», сопровождается разрывом социальных связей, изменением стиля жизни и доступных практик. Исследования сервис-организаций для бездомных [6] показывают, что недостаточно предоставить человеку с большим стажем бездомности жилье, помимо этого необходима длительная и трудоемкая работа, направленная на социальную и психологическую реабилитацию (восстановление/создание социальных связей вне маргинального сообщества, интеграцию в рынок труда и т.д.). Получив жилье, но при этом сохраняя образ жизни бездомного — питаюсь в бесплатных столовых, пользуясь одеждой из гуманитарной помощи, зарабатывая на жизнь сбором бутылок или старых вещей, поддерживая контакты с маргинальной средой, — человек рискует в любой момент снова оказаться на улице." Понимание того, что конкретные люди приобретают и теряют, становясь бездомными и переставая ими быть, позволило бы описать эффективные механизмы реабилитации.

В данном исследовании была предпринята попытка реконструировать правила взаимодействия «бездомный — представители большого сообщества» посредством наблюдения за повседневной жизнью бездомных. Предметом исследования являются карьеры или жизненные траектории бездомных. Под карьерой понимается внутренняя трансформация идентичности («нормальный — бомж»), сопровождающаяся изменением набора доступных повседневных практик. Традиционно термин «карьера» используется для описания восходящей профессиональной мобильности. Я, однако, следую интерпретации этого понятия, данной И. Гофманом. Гофмана интересовало, прежде всего, не изменение официальной позиции или юридические отношения, но регулярные изменения, которые карьера вносит в идентичность человека, в его рамку восприятия: образцы интерпретации себя и других [8, р. 117— 155]. Термин применялся им для анализа «нарушенной» (spoiled) идентичности индивидов — обитателей «тотальных институтов» (тюрьмы, клиники, монастыря) — и тех, кто, являясь носителем определений стигмы, исключен из «большого сообщества» и образует на основе этого признака сообщества исключенных.

¹ К этому сообществу относятся не только уличные бездомные, но и те, кого в отечественной литературе называют «придонным слоем»: проститутки, домашние алкоголики, беспризорные подростки, домашние попрошайки и т.д. [7].

•• Этот риск существенно увеличивается в системе, где коммунальные платежи составляют существенную часть бюджета, регулярно взимается высокая арендная плата за жилье и жестко действуют правила выселения.

Под стигмой понимается признак, на основании которого человеку приписываются отрицательные свойства (дискредитирующий атрибут). Также стигма — результат отождествления индивида с налагаемым на него ярлыком [9, р. 3]. По определению Гофмана «нормальные» полагают, что индивид со стигмой не вполне «человек». На основе этого предположения они дискриминируют стигматизированного индивида, снижая, иногда неосознанно, его жизненные шансы" [9, р. 5). Люди, носящие определенную стигму, склонны усваивать сходный опыт и изменения собственной личности (Self), то есть иметь сходные «моральные» карьеры [9, р. 32). В своем исследовании я исходила из предположения, что индивиды со стигмой «бомж» (бездомный), которым «нормальные» представители большого сообщества приписывают устойчивый набор отрицательных характеристик, должны иметь схожие моральные карьеры.

Изучая трансформацию идентичности, Гофман исследовал организацию повседневности «тотальных институтов» — закрытых сообществ, обитатели которых при помощи определенных процедур и особенностей пространственно-временной организации жизни как бы «отливаются в одинаковые формы». Обитатели психиатрической клиники, тюрьмы, армии «имеют так много общего <...>, что, изучив один из этих институтов, мы были бы хорошо осведомлены о других» [8, р. 15]. Всеобщность или тотальный характер институтов выражается в препятствии к социальным отношениям с окружающим миром, что часто достигается через физические барьеры, такие, как закрытые двери, высокие стены, колючие проволоки и т.д. Тотальные институты могут быть определены как «место жительства и работы, где большое число индивидов, находящихся в сходной ситуации, вырваны из большого общества на значительный период времени и ведут совместный замкнутый и формально регулируемый образ жизни» (8, р. 16). Именно в клинике человек, теряя свою прежнюю идентичность, становится больным, в тюрьме — преступником, в казарме — солдатом. Можно предположить, что в благотворительных организациях в результате институционализации также происходит формирование и закрепление идентичности «бездомного». Исполнение ролей, которые индивид выполнял в «нормальной» жизни, становится трудновыполнимой задачей. Для этого необходимы дополнительные ресурсы, которых у бездомного нет. Он теряет возможность их приобрести в результате разрыва контактов со средой, к которой принадлежал в период, предшествовавший стигматизации. В то же время роль «бездомного» в результате интеграции в уличное или ночлежное сообщество закрепляется. Эта гипотеза далее рассматривается на примере «институционализированных» бездомных — жителей ночлежного дома и продавцов социальной газеты. Для описания взаимодействия продавцов газеты и покупателей также используется понятийный аппарат драматической социологии Гофмана.

• И. Гофман подчеркивает, что нужно отличать историю категории индивидов с определенной стигмой от истории самой стигмы (9, р.32).

Методика исследования

Для реализации цели исследования была использована стратегия изучения случая (case study), которая подразумевает детальное изучение одного объекта в совокупности его взаимосвязей [10, с. 81]. Одним из основных принципов case study является использование двух и более источников информации (документы, архивные записи, интервью, участвующее наблюдение и т.д.), соответствующих задачам исследования и дающих полную информацию об изучаемом случае [11, р. 84—85].

Эмпирическим объектом исследования стала благотворительная общественная организация С.-Петербурга «Ночлежка». «Ночлежка» была выбрана как основной объект для реализации целей исследования по двум основным причинам: во-первых, сюда обращаются бездомные самых разных категорий; во-вторых, «Ночлежка» — стабильно действующая организация, что позволяет анализировать динамику процесса и осуществлять наблюдение на протяжении длительного периода времени.*

Пространство наблюдения было ограничено территорией организации. Сюда следует отнести одноэтажный флигель, в котором располагается пункт приема и где большую часть времени проводят сотрудники организации, "ночлежный дом, занимающий подъезд трехэтажного здания, и двор, разделяющий флигель и ночлежный дом. По соседству размещены кафе, платная автостоянка, вытрезвитель и охранное предприятие. Несколько дальше располагаются Александро-Невская лавра и станция метро.

Исследование осуществлялось с сентября 1999 по июнь 2000 г. Этот период позволил проследить различные этапы и сферы деятельности организации.

В исследовании были использованы три метода: включенное наблюдение, интервью и анализ документов (законодательство, картотека и документы организации). Интервью и наблюдение были направлены на изучение жизненных историй и повседневных практик бездомных, а также способов и правил взаимодействия бездомных и представителей «большого сообщества». В ходе исследования я общалась как с бездомными, так и с сотрудниками организации. В рамках этого взаимодействия проблематизировался повседневный опыт моих информантов, деятельность организации, биографии бездомных, рассматривались история и цели организации. Единицами наблюдения стали взаимодействия трех типов: «клиент-сотрудник организации», «сотрудник — сотрудник», «клиент — клиент».

Одной из основных трудностей работы в данном «маргинальном» поле, на мой взгляд, является избавление от собственных предубеждений и страхов (страх заразиться, подвергнуться насилию, столкнуться с непониманием, страх выпрашивания, боязнь оказаться в роли спасительной «соломинки»). Эти фобии препятствуют установлению коммуникации и с трудом преодолимы в короткий срок.

* За 4 месяца 2000 г. в организации было зарегистрировано 300 чел. вновь обратившихся, в приюте (ночлежном доме) проживало от 40 до 60 чел.

«Ночлежка» делит флигель с Городским пунктом учета граждан без определенного места жительства.

История и структура «Ночлежки»

Организация «Ночлежка» возникла на волне демократических преобразований в 1990 г. Деятельность организации носит правозащитный и реабилитационный характер. Со времени своего основания и по сей день «Ночлежка» является одной из немногих общественных организаций, занимающихся решением проблем взрослой бездомности в Петербурге. Основными сферами ее деятельности являются: регистрация бездомных, сбор и раздача вещей, еды и гуманитарной помощи, содержание ночлежного дома,* проведение социальных и юридических консультаций, заключение договоров на распространение газеты «На дне». В 1993 г. начал работу пункт регистрации, была открыта бесплатная столовая для бездомных. В 1994 г. организация начала выпускать социальную газету «На дне», которую продают бездомные.^{***} В 1995 г. организацией был разработан проект, положенный в основу закона С.-Петербурга «О помощи бездомным», а также проект положения о городском пункте учета бездомных. «Ночлежка» была инициатором создания системы медицинского страхования бездомных. В 1996 г. организации удалось добиться права участия бездомных в выборах. В том же году начался ремонт аварийного здания, где в 1997 г. открылся ночлежный дом на 50 мест.*^{***} В декабре 1997 г. в результате реорганизации возникло три новых структуры: фонд «Ночлежка», издательский дом «На дне» и благотворительная общественная организация «Ночлежка», в которой и велось наблюдение. В 1998 г. была создана консультационная юридическая служба. До 1998 г. на территории «Ночлежки» действовал пункт медицинской помощи бездомным международной организации «Врачи без границ».

На приеме в «Ночлежке» постоянно занято 3 сотрудника: регистратор, социальный работник и сотрудник, выдающий распространителям газеты. С 2001 г. после небольшого перерыва возобновлены консультации юриста. Также на территории организации под руководством представителя издательства еженедельно проводятся собрания продавцов газеты «На дне».

Целью благотворительной организации «Ночлежка» является правозащита и реабилитация их подопечных. Организация «Ночлежка» и газета «На дне», по словам сотрудников, пропагандируют «идею социальной терпимости»: каждый человек в обществе имеет право на существование. Бездомный здесь, в отличие от официальных структур, не БОМЖ (лицо без определенного места жительства), а «без-домный», обездоленный, лишенный чего-то — прав, жилья, медицинского обслуживания, страхового полиса, пенсии, семьи и т.д. В случае «Ночлежки» трудовая реабилитация, а именно распространение социальной газеты «На дне», рассматривается как наиболее эффективный способ «социально-психологической реабилитации» и «возвращения бездомного в общество»: *«В сентябре 1994 года*

* Далее в тексте слова *ночлежка* (без кавычек) и *ночлежный дом* будут использованы как взаимозаменяемые, «Ночлежка» означает название организации.

** Газета «На дне» входит в Международную ассоциацию уличных газет. Подробнее о «Big Issue» и других уличных газетах см., например, [12].

*** В конце 2000 г. после ремонта подвала количество коек увеличилось еще на 70.

Фондом была основана газета "На дне", одна из основных целей которой — помочь бездомным вернуться в общество и предоставить им возможность получения легального заработка» (из информационного буклета организации).

Трудовая реабилитация бездомных

Используя лексику дореволюционных изданий, можно сказать, что сегодня в состав «Ночлежки» входят приют для инвалидов, ночлежный дом и дом трудолюбия. На момент исследования, чтобы стать постояльцем ночлежного дома, нужно было принадлежать к одной из трех категорий: быть «инвалидом», «пожилым» (по возрасту) или «продавцом газеты "На дне"».

До 1999 г. ночлежный дом заселялся бессистемно, на освобождающиеся места брали тех, кто в этот момент просил помочь с жильем. Летом 1999 г. на дверях появилось объявление о закрытии дома на ремонт, всем жильцам предлагалось вывезти вещи. Выселение имело несколько причин. Во-первых, здание ночлежки нуждалось в ремонте и дезинфекции. Во-вторых, так как обитатели «Ночлежки» вышли из под контроля администрации, предполагалось сменить контингент жильцов. Но основная причина заключалась в том, что у организации изменились приоритеты. С этого момента основные усилия были направлены на развитие системы продажи газеты. Было решено «зарабатывать деньги самим», а не только просить их у фондов. Примером стала партнерская британская газета «Big Issue», распространяемая бездомными.* Продажа газеты приносит ее издателям доход, на который они не только могут развивать издательскую деятельность, но и снимать дешевое жилье для продавцов, обеспечивать их специальной одеждой (формой) и заниматься правозащитной деятельностью, проводя акции, правозащитные кампании и консультации, а также «реабилитировать» бездомных, приучая их труду.

Смена приоритетов имела и пространственное выражение: пункт учета и регистрации уступил часть своего помещения пункту выдачи газеты. Теперь на одной из стен экспонируются иностранные «уличные» газеты и образец формы продавца «На дне».

Продавцам газеты в деятельности организации отводится особое место: проводятся регулярные собрания, обсуждение достигнутых результатов, сопоставление уровня продаж у распространителей. Работа продавца также рассматривается как способ реабилитации и служит «двигателем и мерой преобразования индивида».

* «Big Issue» была основана бездомными в Лондоне в 1991 г. Газета продается бездомными, бывшими бездомными и людьми с нестабильным жильем (*vulnerably housed*). Основная цель «Big Issue» заключается в том, чтобы предоставить бездомным людям возможность зарабатывать деньги, а также вернуть им самоуважение и уверенность в себе. Причиной создания газеты было желание предложить бездомным альтернативу попрошайничеству. Однако влияние этой инициативы на попрошайничество неоднозначно. Исследователи (Эдинбург, Глазго, 2000) обнаружили высокий уровень совмещения попрошайничества, бездомности и продажи «Big Issue». Половина опрошенных вовлечена во все три деятельности. Опыт бездомности почти всегда предшествует занятию попрошайничеством.

В ходе еженедельных собраний продавцов оглашается рейтинг продаж за неделю, то есть каждый продавец оценивается как социальным работником, представителем персонала, так и другими бездомными по своеобразному критерию — количеству проданных газет, который косвенно показывает, насколько хорошо продавец исполнял свою роль, был ли он чисто одет, не пьян, с каким выражением лица он стоял, продавая газету.* Продавцы сами довольно часто выносят критические суждения относительно того, как тот или иной исполнил роль продавца. Например: *«Ей надо запретить продавать газеты, а то она напьется и лежит пьяная у метро, и еще газетами прикрывается. Конечно, как после этого будут к нам относиться»* (из разговора во время собрания продавцов). От того, насколько успешен человек в работе, зависит его статус в организации, как среди обитателей ночлежки, так и с точки зрения персонала.

Продавцы с высоким рейтингом продаж обычно тщательно заботятся о персональном «реквизите», необходимом для успешного исполнения своей роли в представлении «продажа социальной газеты "На дне"». Они вешают себе на грудь или спину таблички с текстом, например: «Покупая газету "На дне", Вы помогаете бездомным» или просто «Помогите бездомным», или же табличку с адресом и телефоном «Ночлежки». Придумывается специальный текст, в котором могут быть использованы как фрагменты из статей газеты, краткое резюме, так и информация об организации. Устный текст и информация в табличке отсылают нас к целой группе людей, нуждающихся в помощи. Покупая газету, мы не просто «приобретаем приятное чтение» и помогаем конкретному человеку, но сразу многим — «бездомным». В основном в обращении к потенциальным покупателям используется именно множественное число. Продавец олицетворяет сотни «униженных и оскорбленных», которых мы каждый день видим на улице, и в конкретном акте «купли-продажи» всего за три рубля мы можем всем им помочь. Таким образом, продавцы, работая в публичных местах, создают представление о целой группе «честных бездомных» и одновременно приобретают веру в то, что, торгуя газетами, они легализуются в «большом сообществе», перестают быть «бомжами».

Роль «бездомного» продавца требует дополнительных расходов на реквизит. Над образом «продавца» работают и сотрудники редакции, ответственные за распространение газеты. Весной 2000 г. была разработана и сшита специальная форма для продавцов — синий жилет. Однако синий цвет пришлось поменять на зеленый, так как продавцы объявили бойкот синему: «Нас станут звать "голубыми"». «Дополнительная стигма, по мнению администрации, не увеличила бы объем продаж, поэтому

* Исполнение роли «мировая скорбь» — сгорбленная спина, поднятые плечи, статичная, закрытая поза — расценивается негативно и не поощряется сотрудниками газеты «На дне», ведущими собрание продавцов. Такой продавец «не идет на контакт», необходимый для успешной работы. Поощряется активность, коммуникабельность. Осенью 1999 г. газета устраивала специальные тренинги увеличения продаж. Опыт был довольно неудачен с точки зрения маркетинга: состав группы постоянно менялся, а приходящих на занятия скорее занимала бесплатная еда, нежели содержание тренинга, но интересен для исследователя.

жилеты стали шить из зеленой ткани. Один из продавцов заказал себе специальную рубашку и лапты к Пасхе, чтобы повысить уровень продаж. Но это нетипичный случай, в основном внимание уделяется состоянию имеющейся в распоряжении одежды: *«Разгружал фуру с солью и весь испачкался, поехал переодеваться, потому что в таких штанах газету уже продавать не будешь. Подумают, что из какого-то подвала выполз, продажа уже не та»* (продавец газеты).

Продажа газет, с одной стороны, — это способ дисциплинировать бездомного, так как она подразумевает определенный режим дня (например, спать ночью, работать днем), соблюдение гигиенических норм и уменьшение потребления алкоголя. С другой стороны, продажа газет и относительно стабильный заработок служат закреплению маргинального статуса: роль «бездомного» закрепляется. Рассмотрим это предположение ниже.

Рутинизация роли бездомного

Принципиальное отличие работы продавца газеты от призреваемого в дореволюционном доме трудолюбия в том, что продавец получает за нее не символическую плату, которой хватает только на оплату еды и пребывания в ночлежном доме. В начале 2000 г. распространитель газеты покупал ее за один рубль 20 копеек и продавал за три рубля. Конечно, есть клиенты, которые покупают 5—10 газет (первые 5 газет выдаются бесплатно), а потом пропадают навсегда. Продавцы, постоянно живущие в ночлежном доме, как правило, имеют стабильный рейтинг продаж — 35—45 газет в день.¹ Сам по себе высокий рейтинг продаж является подтверждением того, что человек «исправляется», и аргументом в пользу поселения бездомного в ночлежке. Довольно сложно оценить доход, который получает продавец газеты «На дне». Усредненный доход практически не имеет смысла, так как количество проданных экземпляров газеты существенно варьируется как у разных продавцов за один период, так и у одного продавца в разные периоды. Кроме того, оценивая доход, необходимо учитывать случаи, когда «покупатели» дают «продавцу» деньги, но не берут газету или покупают сразу несколько экземпляров, поддерживая таким образом «знакомого» постоянного продавца. В своей статье «Обитатели "Ночлежки" и других благотворительных организаций в перспективе социологии повседневности» я обозначила несколько завышенный средний заработок продавца «На дне» (три — три с половиной тысячи рублей в месяц) [13, с. 31]. Такую выручку получали на момент исследования лишь самые успешные и активные распространители в определенные месяцы продаж. Заработок распространителя газеты нестабилен, так как зависит от многих причин: здоровья продавца, его места жительства, возможности мыться и выглядеть опрятно, места прода-

¹ Сейчас (июнь 2001 г.) газета стоит 5 рублей, и продавцу, как всегда, остается 60%. Средний уровень продаж активных продавцов (около 70 человек), по данным представителя газеты, составляет 60—70 газет в день. С июня введена новая система поощрения: 1000 газет в месяц и более — 100 газет бесплатно.

жи газеты, отношений с милицией и другими продавцами, выбранной стратегии продаж и т.д.

Следующее важное отличие заключается в том, что продавцы не проводят весь день в одном помещении за работой под надзором распределителя работ, а могут сами выбирать себе место и время продажи в течение дня, начинать работу рано утром или после обеда. Единственное ограничение — время входа/выхода из ночлежного дома. Если продавец предупреждает дежурного заранее, то его могут впустить и после официального закрытия ночлежки.

Учитывая эти важные моменты, которые помогают бездомному преодолеть изоляцию, компенсировать недостаток общения, почувствовать собственную значимость и успешность, «работа» продавца газеты одновременно способствует закреплению роли «бездомного». Во-первых, продавец, особенно успешные, не хотят отказываться от этого «легального бизнеса бездомных», приносящего им доход. Они не ищут альтернативную работу, а скорее развивают навыки «бездомного продавца». Когда в «Ночлежку» поступает предложение устроить кого-нибудь на постоянную, но низкооплачиваемую работу, продавцы отказываются, чаще соглашаясь на разовую подработку — разгрузить машину или вскопать огород. Зачастую, предлагаемая работа требует еще и постоянного ежедневного присутствия на рабочем месте, что в сочетании с низкой зарплатой становится неприемлемым для продавца, привыкшего к свободному режиму работы. Кроме того, «работу бездомного продавца газеты» можно рассматривать как институционализацию попрошайничества: покупка газеты — акт подачи милостыни, в котором газета и форма продавца становятся реквизитом попрошайки. Это признают как сами продавцы, так и сотрудники организации, включая этот факт в свою стратегию распространения газеты:

«Я вот А. (сотруднице организации) говорю, что вы за счет бездомных живете, потому что 80 % покупают газету из сострадания» (продавец).

«Просто деньги дают, особенно работяги. Говорят, не надо, мужик, газету» (продавец).

Наблюдение показывает, что продавцы с легкостью могут менять роли в игре «продажа газеты», превращаясь из «бездомного, честно зарабатывающего себе на хлеб» в попрошайку, которому прохожие дают деньги, не требуя взамен газеты. Успешные продавцы не прибегают к этой роли, так как достигают более высокого результата в первой.

Кроме того, у продавцов сохраняется и закрепляется тип потребления, свойственный людям с непостоянным случайным заработком: они быстро тратят заработанное, ничего не откладывая. Однако необходимо отметить, что такой тип потребления характерен сегодня в России не только для маргинальных слоев. Но в случае группы бездомных, для которой доступ к ресурсам максимально ограничен, он становится непреодолимым препятствием восходящей мобильности.

Продажа социальной газеты — это представление, заказанное редакцией газеты, целью которого является изменение образа и отрицатель-

ных атрибутов «бомжа», для чего разрабатывается роль «честного бездомного, зарабатывающего на жизнь своим трудом». Сотрудники редакции придумывают атрибуты роли (одежду, реквизит) и контролируют ее исполнение. Бездомный, подписывая договор, соглашается исполнять эту роль.

Продавцы, успешно исполняющие роль «честного бездомного», начинают развивать навыки ее исполнения: обзаводятся реквизитом, учатся выбирать нужное место и время и т.д. Ради этого «на время» откладывается запланированный ранее поиск работы, восстановление документов или прав на жилье (формально договор на продажу с имеющими прописку не заключается), отъезд из города. Исполнение роли «бездомного» становится ресурсом и таким образом закрепляется, вытесняя другие роли. Цели редакции достигаются только частично и потому, что часть продавцов нарушает правила исполнения роли. Они просят милостыню с газетой, продают ее в пьяном виде, засыпают у метро, накрываясь газетой, то есть создают «неправильное впечатление», дискредитируя других исполнителей этой роли. В то же время появляются персонажи, «паразитирующие» на положительном образе продавца газеты «На дне». Например, вот уже полгода на станции метро «Гостиный двор» «работает» мальчик (около 16 лет), собирающий деньги на якобы открывшийся филиал «Ночлежки» для детей, для контакта он предлагает купить экземпляр газеты.

Интеграция в ночлежное сообщество

Помимо рутинизации самой роли «продавца» происходит постепенная интеграция бездомного в ночлежное сообщество, существующего по определенным правилам. В ночлежке формируется сообщество, которое скрепляют не общие ценности или убеждения, а разделяемые практики потребления и проведения времени.

С ночлежкой трудно расстаться даже в том случае, если есть куда уйти или уехать. Появляющиеся деньги (например, собранные попрошайничеством, продажей газеты или разовыми подработками) не откладываются на будущее. Один из моих информантов пытался откладывать деньги на отъезд — отдавал их сотруднице организации, но периодически не выдерживал и забирал. Когда другие обитатели узнали, что К. экономит деньги, они стали встречать его у метро, где он продавал газету и попрошайничал, и покупать выпивку прямо на месте: *«Что я могу поделаться, я же как в омуте там! Там никому доверять нельзя, все вытащат. Я хочу накопить денег и уехать <...> Вот возьмите деньги, через неделю может быть 500 будет, а потом еще больше, вот вам я могу доверять»* (информант просил меня взять деньги, потому что оставить их при себе или доверить кому-то другому в тот момент он не мог).

Сообщество также выполняет защитную функцию. Человек, интегрированный в него, боится оказаться в одиночестве и не справиться с новыми требованиями. Именно поэтому некоторые продавцы, имеющие средства, чтобы снимать жилье, откладывают свой отъезд из ночлежки на неопределенный срок: *«В, который пользуется у продавцов авторитетом, раньше пил. Был кооператором, "влетел на бабки", стал пить, сел в тюрьму. Он*

оказался на дне. Сейчас он в завязке уже второй год, и он один из самых лучших. Но у него такая проблема: он уже готов снимать комнату, но боится уйти из коллектива, потому что у него уже сложился определенный образ жизни. Они привыкают здесь, а человеку, ушедшему в коммуналку, придется заново решать какие-то проблемы. И не в деньгах дело, чтобы снять комнату, а в том что человеку психологически тяжело, он боится оторваться» (представитель редакции).

Для индивидов, стигматизированных во взрослом состоянии, характерен разрыв прежних социальных связей [9, с. 35]. Мои информанты неоднократно рассказывали мне, что им «стыдно» обращаться за помощью или просто встречаться со своими прежними друзьями, знакомыми или даже близкими родственниками (чаще всего детьми), потому что они не хотят, чтобы их видели в таком состоянии. Общение жителя ночлежки замкнуто на других ее обитателях и обращающихся в организацию за помощью, а также на тех, с кем совместно работают (просят милостыню, собирают бутылки, продают газеты и т.д.). Контакты во многом ограничены взаимодействием с другими бездомными, обладающими достаточно небольшим объемом информации и ресурсами, а также с так называемым придонным слоем: вокзальными проститутками, уборщиками (вокзала, станции метро, подъезда), «домашними» алкоголиками, проходящими, например, на вокзал или к ночлежке, в поисках бесплатной выпивки или компании.

Внутренние границы сообщества

Проведение границы внутри сообщества обитателей ночлежки происходит по признаку способности «следить за собой» и «управлять собой». Выполнение практик поддержания определенного гигиенического состояния включает в сообщество «нормальных», является признаком «человека», а не «бомжа»: *«Она приходит и ложится спать в чем пришла, не моется, так и спит, как в коконе, от нее такой запах идет! Я стараюсь за ними ухаживать, стирать, мыть, но они все равно ничего не хотят делать сами, в одежде на кровать ложатся. Как я устала от этого»* (бездомная, выполнявшая роль завхоза в ночлежном доме).

То, как человек следит за своим внешним видом, является маркером его внутреннего состояния и определяет его статус: *«Г. ходил в тройке, с бабочкой, газеты продавал, потом пропал, снова появился, сидел у метро и просил милостыню. Перестал следить за собой. Весь грязный, физиономия распухшая»* (сотрудница «Ночлежки»). *«Она раньше была совсем другая, следила за собой, продавала газеты. Мы всегда старались ее хорошо одеть. У нее где-то был сын в интернате, и она всегда про него рассказывала, сэкономила деньги, копила ему на подарки, ездила на каникулы. Потом зашла и пропала, у нее случился инсульт»* (сотрудница «Ночлежки»).

Один из способов вернуть в «нормальное состояние» — одеть «человечески». Жительница ночлежки рассказывала о своей работе в Армии спасения: *«Я в прошлом году работала в ночной программе Армии спасения, сейчас она закрылась, так мы тех, кто приходил, пытались все*

время в чистое одевать (одежда из гуманитарной помощи — З.С.), чтобы они как люди выглядели, но некоторым ее на один день хватало. Придет на следующий, а у него все штаны грязные, пятно где-то. «Переодевание» своих клиентов сотрудниками организации не лишено смысла, так как вместе с грязной одеждой исчезают и маркеры негативного образа «бомжа».

Другая граница, связанная с первой, проводится по признаку «потребление алкоголя». Наиболее успешные продавцы, занимающие комнаты на третьем этаже ночлежки, препятствуют поселению туда пьющих. *«Квартира на третьем этаже, там где самые лучшие продавцы, там фактически свои законы, за исполнением которых они сами строго следят. Если кто-то начинает пить, они все подходят и говорят: "Пожалуйста, этого человека уберите отсюда, потому что он нам всем мешает!"* (представитель редакции газеты «На дне», работающий с продавцами).

Американский исследователь Т. Райт [14, р. 276], изучавший лагерь бездомных, также отмечал, что члены в них делятся на «мокрых» (потребляющих алкоголь), «сухих» (не потребляющих) и наркоманов. В лагере они занимают отдельные территории (палатки), что упрощает контроль над лагерным пространством и препятствует возникновению конфликтов.

Роль доверия в организации реабилитационной деятельности

Представители большого сообщества склонны приписывать «не-человечность» (un-humannes) стигматизированным индивидам, тем самым исключая их из сообщества [9, р. 40]. Пытаясь реконструировать правила взаимодействия бездомных с представителями «большого сообщества» и сотрудниками работающих с ними организаций, я решила взять интервью у врачей и медсестер отделения для бездомных больницы им. Боткина. В рассказах сотрудников отделения доминировала тема «не-человечности» бездомных пациентов: *«Когда я веду студентов по этому отделению, они меня спрашивают: "А что, это люди, их надо лечить?" Я конечно отвечаю: Да!», а сама задумываюсь, а люди ли они?»* (врач больницы им. Боткина).

Для обоснования «не-человечности» бездомных медицинские работники ссылаются на то, что все они хронические алкоголики. На определенной же стадии алкоголизма необратимо разрушается кора головного мозга, после чего алкоголик уже перестает быть человеком в «медицинском» смысле.

Во время группового интервью сотрудники отделения для бездомных привели мне несколько примеров, когда после лечения «вызывающего доверие бомжа оставляли на отделении». Некоторое время он «вел себя прилично», выполнял задания, помогал санитарам, но спустя время начал пить, приводить друзей, устраивать скандалы, и его выгоняли. На тот момент в больнице проживал только один «постоянный бомж».

Основной отличительной чертой бездомных, по мнению персонала отделения, является то, что *«им нельзя доверять»*. Бездомные не способ-

ны поддерживать контрактные отношения, например, выполнять необходимые для отделения работы в обмен на возможность жить там. Отсутствие доверия создает ситуацию неуверенности и непредсказуемости во взаимодействии с бездомными пациентами: *«от них можно всего ожидать»*.

Для иллюстрации этого утверждения сотрудники отделения привели пример, когда один из бывших пациентов, «оставленных на отделении» (*«он уже поправился, приобрел нормальный розовый цвет кожи»*), предпринял попытку изнасиловать сотрудницу отделения, но *«не смог этого сделать, так как у него просто не было сил»*. Санитарка, дежурившая в день, когда я брала интервью, сказала мне, что боится своих пациентов и перевелась бы в другое отделение, если бы была такая возможность, хотя сама она никогда не подвергалась физическому насилию или угрозам со стороны пациентов отделения. Таким образом, происходит генерализация негативных характеристик на всех представителей стигматизированной группы: все бездомные — алкоголики, они агрессивны, им нельзя доверять.

Тема доверия возникала не только в интервью с врачами. Для взаимодействия клиентов и сотрудников «Ночлежки» также характерен высокий уровень взаимного недоверия: регистратор не верит, что посетитель первый раз берет справку в бесплатную столовую; представитель редакции не верит, что распространитель заключает договор на продажу газеты в первый раз;* житель ночлежного дома не верит, что его деньги, оставленные на хранение сотруднице организации, останутся целыми; пришедшие в первый раз на прием клиенты не верят, что в организации им могут оказать помощь и не обманут и т.д.

«Когда мы сюда только вселились и начали ремонт, я все сам делал — и потолки, и красил все сам, потому что им ничего нельзя было доверить. Первые алкоголики, которые там жили, ничего не хотели делать, их невозможно было заставить даже валик в руки взять, нужно было над ними стоять, легче все было сделать самому» (завхоз «Ночлежки»),

«Никому теперь здесь не доверяю. Вот, отдал деньги на хранение, теперь не возвращают» (продавец «На дне», инвалид).**

Поэтому одной из главных задач, которую ставят перед собой сотрудники ночлежки и редакции, является возвращение своему клиенту «уважения к себе» и создания атмосферы взаимного доверия. *«Человеку важно вернуться к нормальным принципам человеческой жизни. Как бы мы ни отрицали, но они все же есть: жить на свои деньги, пусть маленькие, но свои, быть более честным с другими и самим собой. И самое важное — это заставить вернуть себе уважение: с одной стороны, я бездомный, но я все равно себя как человек уважаю, то есть я не могу ходить грязным,*

* Заключая договор на продажу, бездомный получает 5 газет бесплатно (до марта 2000 г. — 10 газет).

** Фрагмент типичной ситуации, когда житель приюта отдает одному из сотрудников деньги на хранение и просит не отдавать их в случае запоя. Когда этот момент наступает, возникает конфликт между сотрудником, который не отдает деньги, и клиентом, который во что бы то ни стало хочет их получить.

пьяным, брать лишние деньги, врать» (сотрудница редакции, работавшая в отделе распространения 3 года).

Заключение

В статье я кратко попыталась описать трудности, возникающие в процессе деятельности организации, занимающейся реабилитацией бездомных. По мнению самих сотрудников, деятельность «Ночлежки» не будет эффективной до тех пор, пока она не станет звеном в цепи институтов и организаций, решающих проблему бездомности. Пребывание в ночлежке должно стать кратковременным этапом в жизни человека, переживающего экономические и психологические трудности. Для этого необходимы поддержанные государством программы строительства социального жилья и развития рынка жилья для аренды, создание необходимой законодательной базы для защиты прав жилищной собственности и трудоустройства бездомных, а также отказ от карательных методов решения проблемы. В связи с тем что клиенты «Ночлежки» не имеют возможности легально устраиваться на работу и переселяться из ночлежного дома в жилье удовлетворительного качества, ее деятельность ограничивается «поддержанием жизни бездомных» и превращением «БОМЖа» в «работающего человека с нерешенной жилищной проблемой».

Успешная деятельность организаций подобных «Ночлежке» в стабильных европейских странах была бы не возможна без развитой, юридически проработанной системы благотворительности коммерческих организаций и частных лиц, опоры на существующие государственные структуры и социальной активности граждан. Все эти условия, а именно эффективный закон о благотворительности, который мог бы стимулировать финансовые вложения, и государственные программы поддержки гражданских инициатив, в России на сегодняшний день практически отсутствуют. Однако, несмотря на отсутствие этих условий, в России созданы благотворительные организации, существующие уже пять — десять лет при несистематической поддержке западных благотворительных фондов. Отсутствие эффективного закона о благотворительности препятствует притоку инвестиций от российских коммерческих организаций и частных лиц. Благотворительные организации находятся в сильной финансовой зависимости от международных благотворительных фондов. Нестабильность денежных поступлений приводит к стагнации организаций, постепенному сокращению видов деятельности и отказу от многих проектов. Так, например, в 2000 г. «Ночлежка» была вынуждена на некоторое время отказаться от крайне необходимых услуг юристов из-за недостатка средств; организация до сегодняшнего момента не имеет возможности реализовать программу психологической помощи.

Возможно, в России существуют собственные уникальные механизмы, которые могли бы стимулировать развитие жилищного движения вообще, и движения защиты прав бездомных, в частности. Однако, на мой взгляд, в данном случае нет необходимости изобретать эти методы заново. Условия, необходимые для формирования таких движений, возможно создать и в России, но для этого жилищная политика и адресная

социальная защита населения должна стать одним из приоритетных направлений социальной политики государства в целом.

Литература

1. Трудовая помощь. 1897. Декабрь.
2. Трудовая помощь. 1897. Ноябрь.
3. Бордюгов Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20 — 30-е годы) // История СССР. 1989. № 1.
4. Coping with homelessness: issues to be tackled and the best practices in Europe /Ed. D. Avramov. Aldershot; Brookfield: Ashgate, 1999.
5. Services for homeless people: innovation and change in the European Union / Ed. B. Edgar. Bristol: Policy Press. 1999.
6. Ravenhill M. Homelessness and Vulnerable Young People: A social audit of Key Change Charity's supported accommodation. London: LSE, CASE, 2000.
7. Стивенсон С. Бездомные в социальной структуре большого города. М.: ИНИОН РАН. 1997.
8. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City: Anchor Books, 1961.
9. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1963.
10. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
11. Yin R. Case study research: design and method. Newbury Park: Sage, 1990.
12. Hanks S. & Swithinbank T. The Big Issue and other street papers: a response to homelessness// Environment and Urbanization. 1997. Vol. 9. № 1.
13. Соловьева З.Р. Обитатели «Ночлежки» и других благотворительных организации в перспективе социологии повседневности / Невидимые грани социальной реальности. Центр независимых социологических исследований. 2001. Труды. Вып. 9.
14. Wright T. Out of place: homeless mobilizations, subcities, and contested landscapes, Albany: State University of New York Press, 1997.